

18+

Мирай Ульямс

Между строк

*История о тех, кто
прячет боль за маской*

Мирай Ульямс
**Между строк. История о тех,
кто прячет боль за маской**

<https://litres.ru/74588653>

ISBN 9785007135399

Аннотация

«Между строк» — история о потере, которая настигает с опозданием. О бармене, который узнаёт, что девушка, которую он любил, погибла шесть лет назад — и он ничего не знал. И о поездке, которая раскроет всю правду.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Часть 1	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Между строк История о тех, кто прячет боль за маской

Мирай Ульямс

Они пытались удержать её на свету.

Она пыталась сделать вид, что всё в порядке.

*А я просто записывала, как рушился этот
хрупкий мир.*

Мирай Ульямс

© Мирай Ульямс, 2026

ISBN 978-5-0071-3539-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

— Мирай!

Я попытался хоть как-то прийти в себя, но меня словно током ударило от воспоминаний. До сих пор перед глазами стоял этот ужас, который я увидел во сне.

Я стоял, объятый животным страхом, не в силах даже дышать. Воздух в комнате был густым, тяжёлым, пропитанным запахом железа и сырости — будто я стоял внутри ржавой машины. Вокруг были разбросаны тела — множество трупов, заполнивших комнату.

Они лежали в неестественных позах, некоторые — лицом вниз, некоторые — навзничь, с открытыми глазами, в которых уже не отражался свет. С болью в груди я пытался почти беззвучно выговорить имя девушки, которая стояла вся в крови спиной ко мне.

Но голос пропал, стоило её безжизненным, опустошённым глазам встретиться с моими. В них не было ничего — ни злости, ни ненависти, ни даже безумия. Только пустота, от которой по телу прошла волна мурашек. Её ледяные, покачивающиеся шаги — медленные, неровные, будто она не шла, а скользила — всё сильнее пугали меня.

Пол скрипел под её ногами, и каждый скрип отдавался у меня в висках. Она подошла вплотную, и я почувствовал холод, шедший от неё, — не человеческий, а как от открытой

двери в зимнюю ночь. Резким взмахом руки она перерезала мне горло. Боль была короткой, острой — и тут же сменилась жаром, который хлынул вниз по груди. Я хотел схватиться за шею, но руки не слушались.

Потом она медленно развернулась и пошла в другой конец комнаты, не обращая внимания на то, как я истекаю кровью. Её шаги удалялись, а вместе с ними уходил и звук — будто мир вокруг меня постепенно выкручивали на минимум. Я уже терял сознание, когда за спиной раздался приглушённый шум — в комнату ворвались несколько человек в форме.

Девушка мельком взглянула на них — без удивления, без страха, будто давно ждала — и резким движением распахнула окно. Холодный свет хлынул в комнату, ослепив меня. Бросив напоследок леденящий душу взгляд — через плечо, спокойно, будто не она только что убила меня, — она выпрыгнула наружу. Это было последнее, что я увидел.

Резко очнувшись, я судорожно схватился за шею, пытаюсь убедиться, что это был лишь сон. Спустя какое-то время, всё ещё в смятении, я посмотрел на часы. Осознание, что уже утро, заставило меня спуститься вниз. Я оглядывался по сторонам, будто видел квартиру впервые. Раньше я этого не замечал, но теперь здесь стало слишком тихо. Когда-то тут было уютнее: мы с Мирай возвращались с учёбы, включали YouTube или аниме и вместе занимались уборкой или готовкой.

Заметив краем глаза часы, я похолодел из-за воспомина-

ний, — я потерял счёт времени, а до работы оставалось совсем немного. В спешке я забежал в ванную, кое-как закончил утренние дела и выскочил из квартиры. Уже в лифте я пытался собраться с мыслями.

Последние два года моим постоянным местом работы стал бар-кафе на соседней улице. Работа бармена мне по душе, хотя не всегда всё идёт гладко. Позвольте представиться — меня зовут Рей, я скромный бармен в баре «Закатная Лилия». Я окончил колледж четыре года назад, успел поработать в разных местах, и этот небольшой, но уютный бар стал для меня настоящим пристанищем.

Пока я размышлял об учёбе и прежних работах, ко мне со спины подкралась девушка. От неожиданности я слегка вздрогнул, но тут же обрадовался, увидев Розу. Мы познакомились, когда я только устроился в «Закатную Лилию» — два года назад. Она моя ровесница и старшая коллега: уже три года работает здесь официанткой. Я пришёл новичком, ни души не знал, а она в первый же день усадила меня на кухне, налила чай и сказала: «Не бойся, здесь всё просто. Люди, кофе, иногда — истории». С тех пор мы и работали вместе. Она взбалмошная и очень добрая.

Глядя на неё, я невольно вспоминал о Мирай. С того дня, как Мирай уехала в другой город на учёбу, она мне больше не писала. Впрочем, это было в её духе. Надо будет как-нибудь написать Радика может, он что-то знает. Он ведь с Мирай лучшие друзья, они дружили ещё со школы. Мне оставалось

только наблюдать, как Мирай бегает за Радиком. Однажды я даже спросил её:

— Мирай.

— Да?

— Ты влюблена в Радика?

— А? Конечно, я люблю Радика. Он ведь часть моей семьи. Почему я не должна любить своего брата?

— Ха-ха-ха! Прости за такой глупый вопрос.

Так, погружённый в воспоминания, я и дошёл до бара.

— Вчерашняя смена, видимо, успела прибраться, — подметил я, входя внутрь.

Рози отправилась протирать столики в зале, а я занялся подготовкой бара к открытию. Утром и днём посетителей не так много, зато вечером бывает не продохнуть. Я только и успеваю выслушивать чужие истории: люди приходят сюда больше поговорить, чем выпить.

Когда вечерняя смена пришла, я начал собираться домой. Меня всегда удивляло, как Рози удаётся оставаться такой весёлой и жизнерадостной. Целый день на ногах, и даже редкие грубые посетители не могут заставить её перестать улыбаться.

После работы мы с Рози заходили в круглосуточный магазин, покупали по мороженому, а потом не спеша шли к набережной, чтобы посмотреть на звёздное небо. После этого мы расходились по домам.

Так прошёл месяц.

В баре появился завсегдатай — пожилой мужчина в мятой кепке, которого Роза звала «профессором». Он приходил каждый вечер, заказывал один и тот же чёрный кофе без сахара и сидел у окна, глядя на улицу. Иногда он рассказывал нам истории — про море, про корабль, на котором ходил молодым, про жену, которая ждала его с каждого рейса. Я слушал вполуха, Роза — с горящими глазами. Она могла час болтать с ним, а потом весь вечер пересказывала мне его истории с таким восторгом, будто сама побывала в каждом порту.

Однажды «профессор» не пришёл. На следующий день тоже. Роза первая заметила.

« — Куда-то запропастился наш морской волк », — сказала она, протирая его столик, и в голосе её не было тревоги, скорее лёгкое удивление.

Через неделю он всё-таки появился — бледнее обычного, с газетой под мышкой вместо привычной пустоты. Заказал кофе, но не стал смотреть в окно. Сел ближе к стойке, и я впервые увидел, что его руки дрожат. Роза под села к нему, и они проговорили до закрытия. Я не слышал разговора — специально отошёл, чтобы не мешать. Когда он ушёл, Роза долго молчала, а потом сказала:

— Жена умерла. В прошлую пятницу.

И всё. Без слёз, без надрыва — просто факт, произнесённый тихим голосом. Но к концу смены она разбила два бокала и один раз забыла, кому какой заказ несла. Я видел, как

она изо всех сил держит улыбку — ту самую, вечную, — и впервые понял, чего ей стоит эта улыбка. И впервые захотел сказать ей что-то — не «всё будет хорошо», не «держись», а просто — «я вижу, как тебе тяжело».

Но не сказал. В тот вечер мы шли к набережной, и Роза была тихой — совсем тихой, не как обычно. Мороженое она не купила. Молча села на парапет, свесив ноги, и смотрела на воду. Я сел рядом, не касаясь её, оставив между нами расстояние в ладонь. Так и просидели минут двадцать, пока она не произнесла:

— Знаешь, «профессор» сказал мне, что самое страшное — не когда человек уходит. А когда ты знаешь, что он уйдёт, и ничего не можешь сделать.

Я кивнул. Не потому что понимал — потому что чувствовал: сейчас ей нужно не понимание, а рядом.

Той ночью я долго не мог уснуть. Думал о «профессоре» и его жене. Думал о том, что Роза несёт в себе столько, что я даже не подозревал. Думал о Мирай — там, далеко, — и о себе, здесь, рядом с Розой. И почему-то именно в ту ночь я впервые отчётливо понял, что мне её не хватает. Не как Мирай, а как воздуха — без которого просто не дышишь.

Возвращаясь с очередной тяжёлой смены, которую скрашивала вечерняя прогулка с Розой, я вдруг почувствовал вибрацию телефона. Сначала подумал, что это Роза решила поболтать по дороге домой, но, к моему удивлению, на экране высветилось имя Радика.

— Привет, Рей, как жизнь? Не занят?

— Привет, всё хорошо. Нет, не занят, а что?

— Эм... Знаешь, тут такое дело... У меня не очень хорошие новости.

— Что случилось?

— Помнишь, Мирай последний раз выходила на связь шесть лет назад, когда уезжала на учёбу?

— Конечно, помню. Что-то не так?

— Только что мы с Мэри нашли статью шестилетней давности...

— Какую статью? Радик, ты можешь просто сказать?

Он не ответил сразу. Я слышал его дыхание — тяжёлое, неровное, — и от этого молчания становилось только страшнее.

— Автобус, в котором она ехала, попал в аварию, — наконец выдавил он. — Шесть лет назад.

— И что?

Ещё пауза. Короче предыдущей, но мне хватило.

— Никто не выжил, Рей.

Он всегда беспокоился о Мирай — она была ему как младшая сестра. Эта мысль мелькнула где-то на краю сознания, но я не мог сейчас думать о Радике. Правда никак не хотела укладываться в голове. Это правда или глупый розыгрыш?

Я застыл у своей двери. Ключ скользил по скважине — раз, другой, — пока наконец не попал куда нужно. Толкнул дверь, вошёл. Стоило двери захлопнуться за спиной, как

весь мир будто выключился. Ноги сделались ватными, колени подогнулись — и я медленно сполз по стене в прихожей, уставившись в одну точку.

— Э-э... Это точно? — голос прозвучал чужим, будто не моим.

— Увы, но да. Мэри и я хотим съездить туда.

В трубке повисла тишина, и я услышал, как Радик шумно выдохнул.

— Куда, куда? — переспросил я, всё ещё не в силах сложить картинку.

— Говорят, рядом с местом аварии есть небольшой городок. Там всем поставили что-то вроде братской могилы... общий памятник.

— Когда поедете? Может, у меня получится присоединиться.

— Мы пока не знаем. Хотим сначала всё разузнать, прикинуть маршрут...

— Хорошо, тогда позже договоримся о дате поездки.

Это стало для меня ударом. Как так вышло, что девушки, которую я люблю, больше нет? Мне отчаянно не хотелось верить словам Радика, но разве он мог соврать насчёт такого? Я не был уверен, что он на такое способен.

Я решил сам всё проверить. Открыл браузер, вбил её имя и дату отъезда и начал жадно щёлкать по ссылкам. Лента новостей была забита всякой ерундой — от гражданских переворотов до пьяных драк, — но я пролистывал всё, не замечая

смысла, цепляясь только за даты. В голове крутилась одна мысль: «Может, авария и правда была, но она жива. Документы сгорели, телефон сломался, она просто не может выйти на связь...»

И тут мой взгляд намертво зацепился за заголовок: «Ужасающая автомобильная авария». На одном вдохе я проглотил всю статью. Внутри всё оборвалось. Там чёрным по белому было написано: «10 мая 2035 года случилась ужасающая автомобильная авария. Легковой автомобиль врезался в полный пассажирский автобус. Все пассажиры автобуса, в том числе и водитель, погибли ещё до приезда скорой...»

Но сухие строчки обожгли не так сильно, как фото под статьёй. Стоило опустить взгляд ниже — и меня прошибло ледяным холодом. Разбитый вдребезги, объятый пламенем автобус. Искорёженный металл. И тела людей, свисающие из окон. Всё это пробирало до костей, будто мороз полз по позвоночнику.

Утром я чуть не опоздал на работу — никак не мог удержать ни одну мысль дольше пары секунд. Весь день я был где-то не здесь. Роза видела мою рассеянность и после работы привычно предложила прогуляться. Я даже не стал отказываться: просто подумал, что если сейчас остановлюсь и останусь один, то эти картинки из статьи снова накроют меня с головой.

Поначалу я просто был ей благодарен. Роза не расспрашивала, не лезла с утешениями — она просто была рядом. Шли,

ели мороженое, смотрели на звёзды. Иногда болтали, иногда молчали. Мне не нужно было притворяться перед ней, что всё хорошо, — и именно поэтому мне было с ней хорошо.

Потом я стал замечать мелочи. Как она сдувает чёлку со лба, когда увлекается рассказом. Как всегда, берёт клубничное, а если его нет — морщится, но берёт шоколадное, будто делает одолжение. Как в конце прогулки говорит «ну, до завтра?» — с интонацией, в которой вопрос звучит для формы, потому что и так знает, что завтра мы снова пойдём.

Я не сразу понял, когда это началось. Не было момента, переключателя. Просто в какой-то вечер Роза рассказывала что-то смешное, размахивая руками, её смех растворялся в шуме волн — и я поймал себя на том, что смотрю не на неё, а на её улыбку. И не хочу смотреть никуда больше.

От этого стало почти страшно. Не потому что чувство было новым — а потому что оно росло поверх горя, как трава сквозь трещину в асфальте, и я боялся: а вдруг это предательство? Вроде я только что хоронил Мирай — по-настоящему, в мыслях — и вот уже смотрю на другую. Как будто горе было чем-то, что можно перерасти. Как будто я не имел права.

И тут же — другой страх, посильнее: а что, если я всё испорчу? Что, если, признавшись, я потеряю не просто девушку, а единственного человека, который сейчас не даёт мне рассыпаться на части? Эти вопросы крутились в голове и мешали сосредоточиться даже на самых простых вещах.

В моей жизни только всё начало постепенно приходить в норму — как вдруг рано утром, когда я ещё не успел допить первую чашку кофе, снова завибрировал телефон. На экране высветилось имя Радика. Желудок сжался — рефлекс, который появился после первого звонка. Теперь любой неожиданный звонок казался предвестником новой беды.

— Привет, не отвлекаю? — голос Радика звучал ровно, почти буднично.

— Нет. Как поживаешь? — я постарался ответить так же спокойно, но в груди уже стягивало тугой узел.

— Неплохо. Ты занят этим летом?

В трубке повисла короткая пауза. Она была такой незаметной, что посторонний человек её бы и не услышал. Но я уловил её, как улавливаешь дрожь в голосе близкого, когда он пытается казаться спокойным. И от этой паузы мне стало по-настоящему не по себе.

— Нет. А что?

— Я с Мэри собрался поехать к «братской могиле», о которой в прошлый раз говорил.

Я замер. Чашка кофе застыла на полпути ко рту. В груди что-то провалилось — не боль, а пустота, как если бы пол ушёл из-под ног, только внутри. Поездка. К месту, где всё закончилось. К месту, где закончилась она.

— ...Вспомнил, да. Я присоединюсь, — голос прозвучал ровнее, чем я ожидал. Словно решение уже давно созрело где-то внутри и только ждало, когда я его озвучу.

— Хорошо. Завтра мы в девять приедем за тобой, хорошо?

— Да.

— Спасибо, — Радик выдохнул, и в этом выдохе было столько облегчения, будто он боялся, что я откажусь.

— Мне стало легче, что ты тоже с нами поедешь. А то такое ощущение, будто о Мирай все забыли.

— Ну, она же необщительная, вот её мало кто знает, — я говорил это и сам понимал, как глупо звучит. Будто причина того, что о ней забыли, в её характере, а не в том, что её просто не стало.

— Да, в этом ты прав. Ладно, до завтра.

— До завтра.

Звонок оборвался. Я стоял на кухне, держа телефон в руке, и слушал тишину, которая вдруг стала оглушительной. За окном проходила обычная утренняя жизнь: где-то проехала машина, залаяла собака, хлопнула дверь подъезда. Но мне казалось, что весь мир замер.

Завтра. Уже завтра. Я забыл обо всём! О Мирай, о том, что люблю её, о той боли, которую чувствовал, осознав, что потерял её навсегда! Как я мог так легко согласиться? Словно поехал на экскурсию, а не к месту, где оборвалась её жизнь. Руки задрожали, и я поставил недопитый кофе на стол — чашка звякнула о столешницу слишком громко в этой тишине. Только ближе к вечеру я смог мыслить трезво.

С трудом, но собрал вещи: рюкзак, сменная одежда, зуб-

ная щётка — мелочи, которые казались абсурдными на фоне того, куда я собирался ехать. Как можно брать собой зубную щётку, зная, что едешь к братской могиле? Отправился спать рано, но сон не шёл. Лежа в темноте, я смотрел в потолок и слушал собственное дыхание.

Как назло, в голове всё чаще начали всплывать образы из того кошмара, что приснился мне пару месяцев назад. Её безжизненный взгляд пустой, стеклянный, направленный сквозь меня, словно я был для неё призраком, а не она для меня. Этот сон до сих пор вселял в меня ужас, и каждый раз, закрывая глаза, я боялся, что он вернётся.

Я знаю, что нужно собраться. Знаю, что это всего лишь сон порождение усталости и страха. Но он был слишком реалистичным. Настолько, что я до сих пор помнил запах крови в той комнате металлический, густой, от которого першило в горле. Разве обычный сон умеет пахнуть?

Промучившись пару часов, я встал, походил по квартире, включил свет на кухне и заварил себе чай с ромашкой. Тёплая чашка в руках, мягкий свет, тишина — всё это понемногу возвращало ощущение реальности. Тело наконец сдалось усталости, и где-то к полуночи я провалился в сон — к счастью, без снов. Утро наступило слишком быстро.

Меня разбудил звонкий, настойчивый стук в дверь. Я рывком сел на кровати, не сразу поняв, где нахожусь, комната казалась чужой в утреннем полумраке. Посмотрел на часы: без пяти девять. Точно, Радик говорил в девять. Я метнулся

к двери, на ходу натягивая джинсы и поправляя растрепавшиеся волосы.

На пороге стояли двое. Радик высокий, статный парень с правильными чертами лица и лёгкой небрежной улыбкой, какая бывает у людей, привыкших к камерам. Его тёмные волосы были чуть растрёпаны, но это лишь добавляло ему обаяния. Рядом с ним Мэри, чуть ниже ростом, стройная и изящная, с внимательными серыми глазами, которые словно оценивали всё вокруг. Её тёмные волосы были собраны в аккуратный хвост, а в руках она держала планшет с какими-то чертежами наверняка не удержалась, взяла работу с собой.

Радик — друг детства Мирай. Они дружили с самого школьного двора, и она всегда делилась с ним всеми новостями, как с братом, которому можно рассказать всё. Последние пару лет Радик стримил почти каждый день — я помню, как Мирай ещё шутила, что он разговаривает с камерой охотнее, чем с живыми людьми. Сейчас, судя по тому, как непрерывно вибрировал его телефон, камера отвечала ему взаимностью.

Мэри, насколько я знал, заканчивала архитектурный. Радик как-то обмолвился, что ей уже сейчас звонят из фирм, а она всем отказывает — говорит, диплом сначала. Я не удивился, увидев её с планшетом: некоторые люди просто не умеют бездельничать.

— Доброе утро, — Радик кивнул мне, окинув взглядом мой помятый вид.

— Выглядишь так, будто вообще не спал.

— Доброе утро, — буркнул я, пропуская их внутрь.

— Почти не спал.

Я пригласил их в дом, и пока собирал последние вещи, между нами завязался разговор — естественно, без натуги, как это бывает с людьми, которых связывает общая боль.

— Радик, как вы вообще наткнулись на эту статью? — спросил я, запихивая зарядку в боковой карман рюкзака.

— Мне на стриме один подписчик скинул ссылку, — Радик устроился на диване, закинув ногу на ногу.

— Он любитель собирать странные и старые новости. Решил, что это будет неплохой темой для дискуссии. Ну, я открыл, читаю — и тут вижу дату, маршрут автобуса... Волосы встали дыбом.

— Ну и сброд собирается у тебя на стримах, — покачал я головой, затягивая шнурки на ботинках. — Как ты вообще умудрился стать таким популярным с такой аудиторией?

— Они не сброд, а мои милые подписчики, — Радик картинно приложил руку к груди, — благодаря которым я так известен!

Мэри, до этого молча листавшая что-то на планшете, подняла голову и посмотрела на нас с выражением терпящей, но не бесконечно, матери двоих нашаливших детей.

— Вы закончили? — осадил она, и её голос был достаточно мягким, чтобы не звучать грубо, но достаточно твёрдым, чтобы спор погас мгновенно.

— А то мы так до вечера тут просидим. Рей, быстрее собирайся, нам выезжать надо.

Мы замолчали. Я застегнул рюкзак, накинул куртку и выключил свет в прихожей. Дверь закрылась за мной с тихим щелчком, и я поймал себя на мысли, что не знаю, когда вернусь сюда — и вернусь ли в том же состоянии, в котором уходил. Вскоре я погрузил свои вещи в их машину — вместительный тёмно-серый внедорожник, который Мэри арендовала специально для этой поездки.

В десять часов мы выехали. Двадцать часов дороги. Двадцать часов — это много. Это бесконечно, когда едешь к месту, которого не хочешь достигать. Я и Радик периодически менялись за рулём. Мэри почти всю дорогу проспала на заднем сиденье, свернувшись калачиком под пледом, — её утомили бессонные ночи за чертежами ещё до поездки.

Когда я сидел за рулём, то пытался сосредоточиться на дороге, но мысли то и дело уплывали. Когда за рулём был Радик, я смотрел в окно. Пейзажи за окном постепенно менялись. Сначала — знакомые улицы нашего города, потом — пригородные посёлки с покосившимися заборами, затем — бесконечные поля, кое-где перемежающиеся лесополосами.

Дорога тянулась прямо, как нитка, и от этого однообразия время замедлялось, словно густело. Солнце поднималось выше, нагревало салон, и я задремал впервые за долгое время без снов. Потом были заправки, придорожные кафе с невкусным кофе и булками, которые Радик называл «едой». Были

участки дороги, где асфальт кончался, и машина подпрыгивала на ухабах, а Мэри ворчала с заднего сиденья, что так и проект не довезти — имелись в виду чертежи в её планшете.

Были минуты тишины, когда каждый из нас думал о своём, но все мы думали об одном. Пейзажи были приятны глазу — спокойные, живописные, почти деревенские. Зелёные холмы, редкие домики, дымок из труб. И от этого было ещё страшнее. В голове никак не могло уложиться, что где-то здесь, среди этой тишины и красоты, случилось нечто настолько кошмарное. Безмятежная природа и жестокая смерть — они не сочетались, и именно это несоответствие давило сильнее всего.

На одной из заправок, когда Мэри наконец проснулась и выпила кофе, который даже она не стала критиковать, Радик завёл разговор, который мы все откладывали.

— А вы помните, какая она была в школе? — спросил он, разглядывая дно бумажного стаканчика.

Мэри посмотрела на него поверх края своего стакана.

— Я её мало знала тогда, — честно сказала она.

— Зато я помню, — Радик усмехнулся. — Она приходила на каждый мой стрим. Сидела в чате, писала всякую ерунду. «Радик, у тебя микрофон хрипит». «Радик, ты опять забыл про чай на плите». Как будто я не мог сам разобраться. Но я каждый раз проверял — и действительно забывал.

Он замолчал, и в этом молчании было что-то тёплое и одновременно надломленное.

— А она рисовала, — вдруг сказал я. — Вы знали?

Радик поднял голову.

— Рисовала?

— Да. Тетради, блокноты, поля учебников — всё было залеплено. В основном лица. Не конкретные люди — просто лица. С разными выражениями. Смеющиеся, грустные, испуганные. Целые галереи. Я однажды спросил, зачем. Она пожала плечами и сказала: «Я хочу запомнить, как выглядят чувства. Чтобы знать, когда кто-то врёт».

Мэри тихо поставила стакан на стол. Смотрела на нас обоих с выражением, которое я не сразу разобрал, — а когда разобрал, стало неловко. Она слушала так, будто складывала в планшет не чертежи, а кусочки человека, которого никогда не встречала.

« — Она была одна из тех людей, которых ты не замечаешь, пока они не исчезнут », — сказал Радик. — Тихая, незаметная, всегда чуть в стороне. А потом оглядываешься — и места, где она стояла, пустое.

Мы допили кофе в тишине. За окнами заправочной станции тянулись поля — бескрайние, залитые предвечерним светом. Где-то там, в нескольких часах езды, был городок, который стал её последним адресом. И от этой мысли кофе показался ещё горче.

Мэри первой поднялась, стряхнула невидимую крошку с джинсов и сказала деловито, но мягко:

— Поехали. Нам ещё ехать и ехать.

Мы сели в машину. Радик сел за руль, я — на пассажирское. Мэри устроилась сзади, раскрыла планшет, но не стала листать чертежи — просто положила его на колени и смотрела в окно. Впервые за всю поездку у неё было лицо не архитектора, а просто человека, который едет хоронить того, кого не успел узнать.

К шести утра мы наконец добрались до города. Городок оказался маленьким и тихим пара главных улиц, несколько магазинов, церковь с позеленевшим куполом, площадь с памятником кому-то давно забытому.

Всё дышало провинциальным спокойствием, и от этого хотелось верить, что мы ошиблись адресом. Что не здесь. Не здесь всё закончилось. Мы заселились в небольшой, но вполне приличный отель на краю города — двухэтажное здание с выцветшей вывеской и потрескавшимся асфальтом на парковке. Номера были простыми: кровать, тумбочка, окно с видом на улицу. Почти не спавшие за последние сутки, Радик и Мэри тут же повалились на кровати.

— Спокойной ночи, — пробормотал Радик, уже закрывая глаза.

— Хотя какой уж тут сон...

— Постарайтесь поспать, — добавила Мэри из своего номера через приоткрытую дверь.

— Нам нужны силы.

— Вы тоже, — кивнул я.

Попрощавшись, я прошёл в свой номер. Бросил рюкзак

на стул, подошёл к окну и распахнул его настежь. Холодный утренний воздух ударил в лицо, и я наконец почувствовал, что приехал. Что это не сон, не статья на экране телефона. Это место. Настоящее, осязаемое, с запахом мокрой земли и звуком просыпающегося города. Смотря на чужой город из окна, я всё меньше хотел верить, что тут и закончилась её история.

Маленькие дома, редкие прохожие, вывеска булочной на углу всё это выглядело настолько обыденно, что мысль о трагедии казалась кощунственной. Мирай не могла закончиться здесь. Не в этом тихом, безмянном городке, о котором никто не знает. Она заслуживала большего. Как вдруг из мыслей меня выдернул протяжный звук сирены.

Не близко где-то в нескольких улицах отсюда. Вой нарастал, потом стих, потом снова нарастал — полиция. По звуку было понятно, что отряд остановился недалеко от отеля. Я даже различил отблески мигалок на стенах соседних зданий — синий, красный, синий. Любопытство кольнуло изнутри, но я подавил его. Чужой город, чужие дела. Мне хватит своих. Закрыв окно, я задёрнул шторы, разделся и лёг. Матрас был жёстче, чем дома, подушка — плоской. Но усталость взяла своё, и я провалился в сон — тяжёлый, без сновидений, но и без облегчения. Меня разбудил стук в дверь. Настойчивый, уверенный — стучал Радик.

— Рей, подъём! — его голос звучал приглушённо через дверь.

Я разлепил глаза и посмотрел на часы: полдевятого. Слегка приподнявшись, я чуть не ослеп от яркого солнечного света, пробивавшегося сквозь щель в шторах. Голова была тяжёлой, тело — будто набитым ватой. Я соскочил, быстро умылся холодной водой — она немного привела в чувство, — накинул одежду и выскочил в коридор. Радик и Мэри ждали меня у двери его номера. Радик уже выглядел бодро — видимо, успел выпить кофе. Мэри была собранной, как всегда, но под глазами залегли тени, выдающие бессонную ночь.

— Извините, что заставил ждать, — я застегнул куртку на ходу.

— Ничего, — Мэри мягко улыбнулась.

— Нам тоже не помешало бы ещё пару часов сна, но времени мало. Пошли. И мы пошли к выходу из отеля — навстречу тому, ради чего проделали весь этот путь.

Утро было на удивление тёплым. Солнце стояло невысоко, и длинные тени от домов ложились поперёк улицы, как полосы на зебре. Городок уже проснулся: где-то скрипнула калитка, залаяла собака, из открытого окна понёсся запах свежего хлеба. Мэри шла чуть впереди, глядя по сторонам с тем самым оценивающим взглядом, каким, наверное, разглядывала фасады перед реставрацией. Радик шагал рядом со мной, засунув руки в карманы куртки, и молчал — впервые за всю поездку у него не было ни шутки, ни комментария.

Мы прошли мимо булочной, и я задержался у витрины. На подносе лежали пирожки с картошкой — один в один, как пекла моя бабушка в детстве. Розы бы сейчас сказала что-нибудь вроде: «Смотри, Рей, вот идеальный завтрак перед свиданием с судьбой». Но Розы была далеко, и от этой мысли стало одновременно тоскливо и тепло.

— Сначала мемориал, потом завтрак, — Мэри обернулась, и в её голосе не было команды, скорее мягкое напоминание. — Я спросила у портёе — он сказал, памятник на холме за церковью.

Мы свернули на узкую улочку, петляющую между невысокими заборами. На одном из них висела табличка с названием улицы — краска облупилась, и буквы читались едва. Радик провёл пальцем по табличке и тихо сказал:

— Мирай бы сфотографировала. Она всегда фотографировала облупившиеся стены и старые вывески. Говорила, что в них больше жизни, чем в новых.

Я промолчал. Мэри тоже.

Мы прошли ещё пару кварталов, и тут Мэри остановилась. Прислушалась. Я тоже услышал — далёкий, едва различимый вой сирены. Тот самый, что разбудил меня ночью, когда мы только заселились в отель. Тогда я списал его на обычный патруль, но сейчас, днём, в этом тихом городке, где единственным звуком был лай собаки и скрип калиток, он казался неуместным. Настораживающим.

— Странно, — Мэри нахмурилась. — Я слышала ту же

сирену вчера вечером. И ночью.

— Может, местная полиция патрулирует, — Радик пожал плечами, но руку из карманов не вынул. Стоял напряжённо, как прислушиваясь к чему-то, что не укладывалось в привычный ритм этого сна.

Сирена зазвучала ближе. Я различил отблески на стенах соседних домов — синий, красный, синий. Мигалки. Машина остановилась где-то за поворотом, в двух-трёх кварталах от нас. Вой стих, но вспышки продолжали бить по стенам — ровно, ритмично, как пульс.

« — Идём туда», — сказал Радик. Не предложил — сказал. И я понял почему. Мы приехали в этот городок из-за трагедии, и вот теперь, в тихом месте, где ничего не должно происходить, снова мигает полиция. Что-то случилось. Или что-то продолжало случаться — все эти шесть лет.

Мэри посмотрела на нас обоих. Она не спросила «зачем» — просто кивнула и пошла первой. У неё была походка человека, который привык входить в чужие здания и разбираться, что с ними не так.

Я шёл за ней и чувствовал, как с каждым шагом что-то сжимается внутри — не страх, нет. Что-то другое. Предчувствие. Тупое, тянущее, сосущее под ложечкой — как когда стоишь на краю чего-то и знаешь, что шаг неизбежен, но не знаешь, что внизу.

Пройдя пару улиц в направлении, откуда слышался звук полицейской сирены, мы заметили патрульную машину. Я

шёл вперёд, ведомый странным предчувствием, и чем дальше мы продвигались, тем сильнее колотилось моё сердце.

За поворотом открылась сцена, от которой у меня перехватило дыхание. Девушка в чёрном свитере, поверх которого была надета кожаная куртка, стояла в окружении полицейских. Её длинные распущенные чёрные волосы слегка развевались на ветру, а круглые очки частично скрывали голубые глаза, которые я узнал бы из тысячи.

Это была она. Живая. Настоящая. Но как? Она разговаривала с полицейским, держа в руках наполовину выкуренную сигарету. Её движения были такими знакомыми, такими родными... Но в то же время между нами словно пролегла пропасть. Время будто остановилось. Я не мог пошевелиться, не мог поверить своим глазам.

— Мира? — тихо и очень неуверенно произнёс Радик.

Он назвал её тем самым прозвищем, которым только мы двое её называли. Девушка резко обернулась на звук своего имени. Сигарета выпала из её ослабевших пальцев. Её глаза расширились от изумления, а потом в них промелькнуло что-то похожее на страх.

Глава 2

Часть 1

— Мира? — тихо и очень неуверенно позвал меня странно знакомый голос. Я инстинктивно откликнулась, от удивления у меня выпала сигарета из рта. После чего я раздражённо начала отчитывать своего напарника:

— Джон, какого чёрта ты не оцепил местность?!

— А? О чём ты? — заглянул он за мою спину.

— Вот же блять! Сейчас исправлю!

Джон быстро схватил ленту для ограждения местности и подошёл к группе людей.

— Прошу прощения, можете отойти назад?

Радик первым опомнился от шока.

— А? Да, секунду, — он быстренько потянул всех ребят за собой.

Пока они уходили, я случайно встретила с Реем взглядом. Отвернулась так быстро, словно меня током ударило. Мой напарник Джон заметил столь странное для меня поведение, но не стал задавать вопросы. Сделав глубокий вдох, я продолжила свою работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.